

Виктор Аникин

ПОСЛЕДНИЙ РАБОЧИЙ

18+

Виктор Аникин

Последний рабочий

<https://litres.ru/74517573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Кошелев отдал заводу больше двадцати лет своей жизни. Здесь работали его родители, здесь он освоил профессию, получил первую зарплату и обрёл уверенность в завтрашнем дне. Он никогда не мечтал о богатстве или власти. Всё, чего хотел обычный рабочий, — достойно зарабатывать, содержать семью и знать, что его труд кому-то нужен.

Но привычный мир постепенно разрушается. Завод меняет руководство, зарплаты уменьшаются, рабочих сокращают, а оставшиеся вынуждены трудиться за нескольких человек. Виктор пытается добиться справедливости, спорит с начальством, пишет обращения и до последнего верит, что его услышат. Однако однажды он узнаёт, что после двух десятилетий добросовестной работы его собственная должность больше не нужна предприятию.

Потеряв веру в законность и справедливость происходящего, Виктор решается на поступок, который навсегда разделит его жизнь на до и после.

«Последний рабочий» — история человека, который хотел быть услышанным

Содержание

Глава 1. Выстрел

4

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Виктор Аникин

Последний рабочий

Глава 1. Выстрел

Город Димитровград, 18 марта 2015 года.

Когда раздался выстрел, Виктор Кошелев почему-то подумал о том, что теперь ему придётся покупать новую рубашку. На белой ткани, чуть ниже воротника, появилось маленькое тёмное пятнышко, которое медленно расплзлось в стороны. Несколько секунд он смотрел на него, пытаясь сообразить, откуда взялась кровь, и только потом понял, что она принадлежит не ему. Человек, стоявший напротив, сделал два неловких шага назад, задел бедром край письменного стола и тяжело опустился на пол. Его правая рука безвольно повисла вдоль тела, а левая судорожно сжимала раненое предплечье. На сером линолеуме появились первые капли крови. Они были удивительно яркими, почти ненастоящими, словно кто-то нечаянно пролил красную краску. Виктор перевёл взгляд на пистолет, который всё ещё держал перед собой, и почувствовал, как неприятно онемели пальцы.

В кабинете стояла тишина. За стеной кто-то разговаривал по телефону, в коридоре скрипнула дверь, а с улицы доносился ровный гул работающего предприятия. Всё продолжа-

лось так, словно ничего не произошло. По территории завода ездили погрузчики, рабочие переходили из одного цеха в другой, мастера заполняли сменные задания, бухгалтерия рассчитывала заработную плату. Где-то в столовой уже начинали готовиться к обеду. Сотни людей занимались привычными делами, не подозревая, что в одном из административных кабинетов их коллега только что выстрелил в начальника производства.

— Ты что творишь, Кошелев? — произнёс человек на полу.

В его голосе не было ни гнева, ни угрозы. Только растерянность, от которой Виктору стало не по себе. Он ожидал услышать что угодно: проклятия, крики, обещания уволить его окончательно, вызвать полицию, уничтожить. Но Павел Сергеевич Нестеров смотрел на него так, словно до последней секунды продолжал надеяться, что произошедшее окажется нелепой шуткой, дурным сном или каким-нибудь недоразумением, которое ещё можно исправить.

Виктор хотел ответить, но не смог. Он стоял посреди кабинета, чувствуя тяжесть собственного тела, и впервые за всё утро не находил слов. Ещё несколько минут назад ему казалось, что он подготовился к этому разговору, предусмотрел все возможные возражения и точно знает, что должен сказать. Он мысленно произносил длинные речи, объяснял, доказывал, требовал, представлял, как начальники наконец услышат его и поймут то, чего не желали понимать долгие

годы. Теперь все приготовленные слова куда-то исчезли. Перед ним сидел раненый человек, и Виктор не мог отвести глаз от его руки.

У окна находился ещё один мужчина — директор предприятия Марк Борисович Гринёв. Он приехал на завод около часа назад и успел провести короткое совещание, после которого собирался отправиться в областной центр. На спинке его кресла висело дорогое пальто, рядом со столом стоял кожаный портфель, а на подоконнике лежал мобильный телефон. Гринёв смотрел на пистолет, не решаясь пошевелиться. Его лицо приобрело какой-то нездоровый, землистый оттенок. Губы несколько раз беззвучно разомкнулись, прежде чем ему удалось выговорить:

— Виктор... Давайте спокойно. Вы же разумный человек.

Эта фраза почему-то задела Кошелева сильнее всего. Разумный человек. Он слышал подобные слова десятки раз, когда ходил по кабинетам, просил объяснить очередное сокращение, спорил о заработной плате или пытался доказать, что один рабочий физически не способен выполнять обязанности троих. Тогда ему тоже предлагали вести себя разумно. Не поднимать шума. Не осложнять ситуацию. Понимать экономические трудности предприятия. Войти в положение руководства. Подождать лучших времён.

Он всегда ждал.

— Разумный? — переспросил Виктор.

Гринёв быстро кивнул, словно именно от этого ответа за-

висела его жизнь.

— Конечно. Мы можем всё обсудить. Вы только уберите оружие.

— Я пятнадцать лет с вами разговариваю.

— Пожалуйста, Виктор. Павлу Сергеевичу нужна помощь.

Кошелев посмотрел на раненого. Нестеров сидел, прислонившись спиной к шкафу, и дышал часто, с трудом. На его лбу выступил пот. Он был на несколько лет моложе Виктора, любил футбол, по выходным ездил с семьёй на дачу и каждое утро покупал в заводском буфете кофе без сахара. Всё это Кошелев знал, потому что много лет работал рядом с ним. Они не были друзьями, но знали друг друга достаточно хорошо, чтобы иногда обсуждать погоду, машины и городские новости. У Павла Сергеевича было двое детей. Старший сын заканчивал школу, младшая дочь ходила в детский сад. Виктор вдруг вспомнил её фотографию, стоявшую на столе возле монитора: девочка в розовой куртке, с большим воздушным шаром в руках, улыбалась так широко, что глаз почти не было видно.

Он опустил пистолет.

Гринёв осторожно протянул руку к телефону.

— Вызывайте скорую, — сказал Виктор.

Директор не сразу понял, что обращаются к нему. Несколько секунд он продолжал стоять неподвижно, затем схватил мобильный, уронил его на пол, поднял и начал на-

бирать номер. Пальцы плохо слушались. Кошелев смотрел на это с неожиданным раздражением. Ему хотелось сказать, что человек, способный подписать приказ об увольнении нескольких десятков рабочих, мог бы хотя бы научиться пользоваться собственным телефоном. Но он промолчал.

Через некоторое время в коридоре слышались быстрые шаги. Кто-то осторожно постучал в дверь, потом постучал сильнее. Из-за стены раздался женский голос, требовавший объяснить, что случилось. Гринёв крикнул, чтобы вызвали охрану, и Виктор понял, что всё закончилось. Не разговор, не конфликт, не история его увольнения, а та жизнь, которую он прожил до сегодняшнего утра.

Он положил оружие на пол и отошёл к противоположной стене.

Когда дверь распахнулась, в кабинет первым вошёл охранник. За ним показалась секретарь, прикрывшая ладонью рот. Она увидела кровь и вскрикнула. Мужчина в форме застыл на пороге, пытаясь одновременно рассмотреть оружие, раненого начальника и Виктора. Кошелев поднял пустые руки. Он хотел объяснить, что сопротивляться не собирается, но охранник уже приказал ему лечь лицом вниз. Виктор подчинился. Линолеум оказался холодным и пах дешёвым моющим средством. Кто-то наступил ему на край пальто, кто-то прижал коленом спину. За спиной щёлкнули наручники. Именно тогда он впервые подумал о жене.

Елена ещё ничего не знала. Она находилась на работе,

в небольшой городской аптеке, где каждое утро принимала товар, пересчитывала упаковки лекарств и терпеливо объясняла пожилым покупателям, почему привычные препараты снова подорожали. Дочь Дарья была в школе. Сегодня у неё должна была состояться контрольная по математике, и за завтраком она жаловалась, что совершенно ничего не понимает в квадратных уравнениях. Виктор обещал вечером помочь ей разобраться с задачами.

Он не представлял, кто расскажет им о произошедшем.

Когда приехала полиция, его вывели из здания через главный вход. Возле проходной уже собрались люди. Некоторые стояли молча, другие переговаривались, третьи пытались рассмотреть, кого именно ведут к служебной машине. Виктор узнал слесаря из соседнего цеха, женщину из отдела кадров и пожилого наладчика, с которым когда-то работал в одну смену. Никто из них не подошёл. Лишь один мужчина снял шапку, хотя погода была достаточно тёплой, и долго смотрел Виктору вслед.

Кошелев опустил голову.

Он хотел, чтобы его услышали. Теперь о нём наверняка заговорит весь город.

Но никто не услышит того, что он собирался сказать.

За двадцать три года до этого, в июле 1992-го, Виктор Кошелев впервые пришёл на завод не как сын своего отца и не как мальчишка, которому разрешили посмотреть на настоящие станки, а как человек, которому предстояло здесь

работать. Он явился к проходной без десяти семь, в новых ботинках, купленных накануне на городском рынке, и с трудовой книжкой, лежавшей во внутреннем кармане пиджака. Книжка была почти пустой. В ней значились лишь несколько месяцев работы после училища, после которых последовала армейская служба. Виктору было двадцать четыре года, и он считал, что наконец-то начинает настоящую взрослую жизнь.

У проходной пахло горячим асфальтом, сигаретами и машинным маслом. Рабочие подходили небольшими группами, обменивались приветствиями, доставали пропуска и исчезали за металлической вертушкой. Женщины несли сумки с обедами, мужчины обсуждали вчерашний футбольный матч и очередное повышение цен. Страна менялась с такой скоростью, что никто толком не понимал, каким окажется следующий месяц. В магазинах исчезали привычные товары, деньги обесценивались, предприятия задерживали выплаты, а по телевизору каждый вечер говорили о реформах, приватизации и необходимости потерпеть. На улицах Димитровграда появлялись первые частные торговые палатки, возле которых продавали импортные сигареты, жевательную резинку, растворимый кофе и одежду с яркими иностранными надписями. Отец Виктора называл всё это барахолкой и говорил, что нормальный человек должен зарабатывать руками, а не перепродавать втридорога чужой товар.

Сам он проработал на заводе почти тридцать лет. Начинал

простым рабочим, постепенно освоил несколько специальностей и к концу восьмидесятых стал одним из самых опытных наладчиков своего участка. Его звали Андрей Петрович Кошелев. Он был высоким, широкоплечим человеком с большими ладонями и привычкой разговаривать негромко, даже когда сердился. На заводе его уважали, а дома немного побаивались. Не потому, что он кричал или поднимал руку на близких, — этого Виктор никогда не видел, — а потому, что отец требовал от окружающих той же аккуратности и ответственности, которой придерживался сам. Если нужно было починить кран, он чинил его в тот же день. Если обещал соседу помочь с машиной, приходил в назначенное время. Если сын получал плохую оценку, отец не читал длинных нотаций, а садился рядом с учебником и заставлял разбираться до тех пор, пока задача не становилась понятной.

Виктор с детства знал, что такое завод. Он помнил тяжёлые отцовские ботинки, которые мать ставила сушиться возле батареи, запах металлической стружки на его одежде и короткий гудок, доносившийся по утрам с территории предприятия. Помнил зимние вечера, когда Андрей Петрович возвращался со смены, садился за кухонный стол и долго растирал пальцы, прежде чем взяться за ложку. Иногда отец приносил домой небольшие металлические детали, показывал их сыну и объяснял, для чего они нужны. Мальчику казалось удивительным, что из тысяч таких маленьких, на первый взгляд совершенно бессмысленных железок собираются

автомобили, которые потом ездят по всей стране.

— Ты пойми, Витька, — говорил отец, вертя между пальцами очередную деталь. — Вот эта штука сама по себе никому не нужна. А без неё машина не поедет. И таких штук тысячи. Одну неправильно сделаешь — всё изделие насмарку.

Виктор слушал, разглядывая металлическую поверхность. Ему нравилась мысль, что даже самая маленькая деталь имеет своё предназначение и от качества его будущей работы может зависеть нечто большое и важное.

Мать, Валентина Михайловна, тоже работала на заводе. Она занималась учётом готовой продукции и редко рассказывала о производстве, зато прекрасно знала, кто женился, кто развёлся, у кого родился ребёнок и кому удалось получить квартиру. Завод существовал в жизни семьи почти как отдельный родственник, требовательный, иногда неприятный, но в целом надёжный. Он давал заработок, путёвки в санатории, подарки детям на Новый год и возможность надеяться, что со временем молодому специалисту выделят жильё. Андрей Петрович получил свою двухкомнатную квартиру именно благодаря предприятию. С тех пор он любил повторять, что завод его не обманул, а значит, и он не имеет права обманывать завод.

В начале девяностых эти слова постепенно утрачивали прежний смысл, но Виктор ещё не замечал перемен. Ему хотелось поскорее приступить к работе и получить первую настоящую зарплату.

У турникета его встретил отец. На нём была выцветшая синяя спецовка, а из нагрудного кармана торчали карандаш и маленькая металлическая линейка.

— Рано пришёл, — заметил Андрей Петрович.

— Ты же сам говорил, что опаздывать нельзя.

— Нельзя. Но и за полчаса торчать возле проходной незачем. Пойдём, покажу, где переодеваться.

Они прошли через заводскую территорию, мимо кирпичных корпусов, погрузочной площадки и длинного ряда припаркованных велосипедов. Из открытых ворот одного из цехов вырывался тёплый воздух, пахнувший маслом и нагретым металлом. Виктор услышал тяжёлый металлический стук, затем высокий визг работающего оборудования. Звуки накладывались друг на друга, создавая непрерывный производственный гул, в котором поначалу невозможно было различить отдельные голоса.

Внутри оказалось жарко. Под высоким потолком тянулись трубы и электрические кабели, над проходами висели жёлтые мостовые краны, а между рядами оборудования двигались люди в серых и синих спецовках. Виктор остановился, чтобы рассмотреть огромный станок, возле которого рабочий устанавливал тяжёлую заготовку. Отец заметил его интерес и слегка подтолкнул в спину.

— Насмотришься ещё. Тут главное не глазами работать, а головой. И руки куда попало не совать.

Первую смену Виктор провёл рядом с пожилым наставни-

ком Семёном Ильичом Корневым, человеком с совершенно седыми волосами, густыми бровями и двумя отсутствующими пальцами на левой руке. Корнев курил крепкие сигареты, постоянно ворчал на молодёжь и не любил, когда его перебывали. Узнав, чей сын пришёл к нему в ученики, он внимательно посмотрел на Виктора, потом на Андрея Петровича и произнёс:

— Значит, ещё один Кошелев на нашу голову.

Отец улыбнулся.

— Ты его сильно не жалея.

— Я никого не жалею. Станок тем более.

В тот день Виктору почти ничего не доверили. Он наблюдал за работой Корнева, запоминал расположение оборудования, переносил небольшие детали и несколько раз бегал на склад за инструментом. К концу смены ноги гудели так, словно он прошёл пешком через весь город. Белая рубашка, которую он надел утром под пиджак, осталась в шкафчике, а выданная заводская спецовка пропиталась незнакомыми запахами. Когда он вернулся домой, мать поставила перед ним большую тарелку картофельного пюре с котлетами и спросила, понравилась ли работа.

— Нормально, — ответил Виктор.

Он произнёс это с такой серьёзностью, что Андрей Петрович, сидевший напротив, усмехнулся.

— Первый день отработал, а уже начальник.

Виктор тоже улыбнулся. Ему было приятно чувствовать

себя частью взрослого мира, в котором люди вставали по будильнику, приходили на работу, получали зарплату и могли самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Он ещё не знал, что пройдут годы и слово «работа» перестанет вызывать у него гордость. Что однажды он будет просыпаться среди ночи, мысленно подсчитывая оставшиеся до зарплаты деньги, и с ненавистью смотреть на телефон, ожидая очередного звонка из цеха. Что завод, который сейчас казался ему надёжной опорой, станет причиной самого страшного события в его жизни.

Впрочем, в июле 1992 года до этого было ещё очень далеко.

Первые несколько месяцев прошли почти незаметно. Виктор привыкал к сменному графику, осваивал оборудование и постепенно переставал чувствовать себя чужим среди людей, которые знали друг друга десятилетиями. Корнев оказался хорошим наставником. Он редко хвалил ученика, зато замечал каждую ошибку и заставлял переделывать работу до тех пор, пока результат его не устраивал. Виктор иногда злился, особенно когда наставник требовал исправить какую-нибудь мелочь, которую, как казалось молодому рабочему, всё равно никто не заметит. Но однажды Корнев положил перед ним деталь, изготовленную с едва различимым отклонением от нужного размера, и попросил объяснить, в чём ошибка. Виктор долго рассматривал её, измерял, сверялся с чертежом и наконец обнаружил недостаток.

— Ну вот, — удовлетворённо произнёс Корнев. — А говорил, никто не заметит. Теперь представь, что таких деталей выпускают десять тысяч.

После этого Виктор перестал спорить из-за мелочей. Он постепенно понял, что работа на заводе состоит не только из физического труда, но и из бесконечного множества решений, за каждое из которых кто-то должен отвечать. Можно было за несколько минут испортить дорогостоящую заготовку, неправильно установить инструмент или пропустить неисправность оборудования. Можно было, наоборот, вовремя заметить проблему и избавить всю смену от многочасового простоя. Виктору нравилось ощущать, что от него действительно что-то зависит. Он не хотел становиться начальником, не мечтал о собственном кабинете и не завидовал людям, которые ходили по цехам в чистых костюмах. Ему хотелось научиться выполнять свою работу лучше остальных. В его представлении этого было вполне достаточно, чтобы заслужить уважение и обеспечить себе достойную жизнь.

Первую большую зарплату он получил осенью. Деньги выдали с опозданием, но всё-таки выдали, и Виктор, не заходя домой, отправился в магазин бытовой техники. Там он долго рассматривал телевизоры, холодильники и магнитофоны, после чего купил матери небольшой электрический чайник, а отцу — набор инструментов в пластиковом чемоданчике. Себе он оставил совсем немного. Вечером Валентина Ми-

хайловна долго рассматривала подарок, несколько раз включала новый чайник и удивлялась, как быстро закипает вода. Андрей Петрович отнёсся к инструментам с привычной сдержанностью, проверил каждый ключ и сказал, что хороший набор пригодится в хозяйстве. Только перед сном, когда Виктор уже собирался уходить к себе, отец неожиданно остановил его в коридоре.

— Молодец, сынок.

Больше он ничего не добавил, но Виктор запомнил эти два слова на всю жизнь.

Вскоре произошли события, которые заставили его впервые задуматься о том, насколько непрочными могут оказаться вещи, казавшиеся прежде незыблемыми. В соседнем городе закрылось предприятие, где работал муж двоюродной сестры матери. Мужчина несколько месяцев пытался получить задолженность по зарплате, затем начал торговать на рынке, а спустя некоторое время уехал на заработки в Москву. В Димитровграде всё чаще говорили об увольнениях, сокращении заказов и возможной продаже отдельных производств. Возле проходной появлялись люди, предлагавшие обменять продукты на промышленные товары или купить ненужные заводские талоны. Некоторые работники брали дополнительные смены, другие по выходным ремонтировали автомобили в гаражах, третьи постепенно исчезали с предприятия, предпочитая заниматься торговлей.

Андрей Петрович относился к происходящему с трево-

гой, которую старался не показывать. За ужином он всё чаще молчал, подолгу слушал новости по радио и иногда доставал старую папку с грамотами и благодарственными письмами. В ней лежали пожелтевшие фотографии цехового коллектива, заводская газета с его портретом и несколько удостоверений о повышении квалификации. Виктор однажды увидел, как отец перебирает эти бумаги, и спросил, зачем они ему понадобились.

— Да так, — ответил Андрей Петрович. — Вспомнил кое-что.

Он убрал папку на верхнюю полку шкафа и больше к ней не возвращался.

Позднее Виктор поймёт, что отец уже тогда чувствовал приближение перемен, которым не мог найти объяснения. Он привык к миру, где человек мог проработать на одном предприятии всю жизнь и не сомневаться, что его труд кому-то нужен. Теперь оказалось, что опыт, квалификация и многолетняя добросовестная работа сами по себе ничего не гарантируют. Завод по-прежнему стоял на прежнем месте, станки продолжали работать, люди приходили к началу смены, но привычные правила постепенно исчезали. Андрей Петрович не умел приспособливаться к новой жизни и не собирался учиться. Он считал, что нужно просто переждать трудное время, потому что невозможно же закрыть предприятие, на котором держится целый город.

Виктор верил ему.

Молодость вообще располагала к вере в то, что любые неприятности рано или поздно заканчиваются, особенно если человек не ленится и делает всё, что от него зависит. У Виктора было крепкое здоровье, профессия, небольшие накопления и совершенно определённые планы на будущее. Он собирался жениться, получить отдельную квартиру, купить машину и хотя бы раз в жизни съездить с семьёй к морю. Ничего необычного в этих желаниях не было. Он не мечтал стать богатым, не представлял себя владельцем предприятия и не считал, что достоин особого положения. Ему хотелось иметь то, что когда-то сумел получить его отец: постоянную работу, собственный дом и уверенность, что завтра не окажется хуже сегодняшнего дня.

С Еленой он познакомился в декабре того же года. Она пришла на завод вместе с подругой, работавшей в бухгалтерии, чтобы забрать её после смены. Виктор стоял возле проходной и пытался завести старенький отцовский автомобиль, который в очередной раз отказался работать на морозе. Елена, наблюдавшая за его безуспешными попытками, предложила вызвать такси. Виктор ответил, что машина ещё прекрасно послужит, если только дать ей немного времени. Через четверть часа автомобиль всё-таки завёлся, но к тому моменту подруга Елены уже ушла, и девушка собиралась добираться домой пешком. Виктор предложил подвезти её.

— А она точно не заглохнет посреди дороги? — спросила Елена, с сомнением разглядывая машину.

— Не заглохнет. Я же её завёл.

Через двести метров двигатель остановился.

Виктор до конца жизни будет помнить, как Елена смеялась, стоя рядом с открытым капотом на морозной улице. Она смеялась не над ним, а над ситуацией, в которой они оказались, и от этого ему тоже стало весело. Когда машина наконец поехала, он специально выбрал самую длинную дорогу до её дома, чтобы разговор не закончился слишком быстро.

Елена работала в аптеке, любила читать детективы, терпеть не могла жареный лук и мечтала когда-нибудь завести большую собаку. Ей было двадцать два года. У неё были тёмные волосы, карие глаза и привычка слегка наклонять голову, когда собеседник говорил что-нибудь неожиданное. Виктору нравилось, что она не пыталась произвести на него впечатление. Она могла открыто сказать, что не разбирается в автомобилях, не интересуется футболом и совершенно не понимает, зачем взрослые мужчины проводят целые выходные в гаражах. При этом Елена с удовольствием слушала его рассказы о заводе, хотя большинство технических подробностей оставались для неё непонятными.

Они начали встречаться, а спустя несколько месяцев Виктор впервые привёл её домой. Валентина Михайловна сразу нашла с девушкой общий язык, Андрей Петрович поначалу держался настороженно, но за ужином неожиданно разговорился и принялся рассказывать о своей молодости. Когда

Елена ушла, отец подошёл к сыну и спросил:

— Серьёзно у вас?

— Думаю, да.

— Тогда смотри. Семья — это не свидания по вечерам. За неё отвечать придётся.

Виктор кивнул. Он считал, что понимает, о чём говорит отец.

Поженились они летом 1994 года. Свадьбу сыграли скромную, в небольшой столовой, куда пригласили родственников и нескольких ближайших друзей. Андрей Петрович подарил молодожёнам деньги, которые несколько лет откладывал на покупку нового автомобиля. Валентина Михайловна расплакалась во время поздравления, хотя до этого уверяла всех, что не собирается устраивать никаких сентиментальных сцен. Виктор смотрел на Елену, сидевшую рядом в простом белом платье, и чувствовал, что жизнь наконец приобрела ту определённую, к которой он так стремился. Всё происходило правильно и последовательно. Сначала профессия, потом работа, теперь семья. Впереди оставались собственная квартира, дети и десятилетия спокойной совместной жизни.

Первое время молодые жили у родителей Виктора. Денег на отдельное жильё не хватало, с арендой возникали сложности, а руководство завода, прежде распределявшее квартиры между сотрудниками, теперь отвечало на подобные вопросы неопределёнными обещаниями. Елена не жаловалась,

хотя две семьи в небольшой квартире неизбежно создавали неудобства. Она вставала раньше остальных, чтобы успеть собраться на работу, по вечерам помогала Валентине Михайловне готовить ужин и постепенно привыкала к тому, что в доме почти всегда кто-нибудь находился. Виктор старался брать дополнительные смены, откладывал деньги и каждую свободную минуту проводил в гараже, ремонтируя чужие машины. Иногда Елена приходила туда с термосом чая и бутербродами, садилась на старую автомобильную крышку и наблюдала, как муж возится под капотом очередной развалюхи.

— Ты хоть когда-нибудь отдыхаешь? — спрашивала она.

— Вот купим квартиру, тогда и отдохну.

— А потом что-нибудь ещё понадобится.

— Ну, машину поменяем.

— А потом?

— Потом на море поедem.

Елена улыбалась, прекрасно понимая, что после квартиры и машины обязательно появятся новые заботы. Она любила мужа за его упорство, за уверенность, с которой он говорил о будущем, и за то, что никогда не обещал невозможного. Если Виктор говорил, что сделает что-то, он действительно старался это сделать. Иногда у него не получалось, иногда приходилось откладывать задуманное на несколько месяцев, но он не отказывался от своих планов. Елена чувствовала себя рядом с ним спокойно. Ей казалось, что человек, спо-

собный часами возиться с неисправным двигателем, пока тот наконец не заработает, обязательно найдёт выход из любой жизненной неприятности.

Через два года им удалось купить небольшую двухкомнатную квартиру в старом доме недалеко от заводской территории. Сделка потребовала почти всех накоплений, родительской помощи и денег, занятых у знакомых. Зато квартира была своя. В день переезда Виктор долго стоял посреди пустой гостиной, разглядывая облупившиеся обои, старые деревянные рамы и неровный потолок. Елена открывала шкафчики на кухне, проверяла краны и прикидывала, где удобнее поставить холодильник.

— Ну что, хозяин, — сказала она, возвращаясь в комнату.

— С чего начнём?

— С ремонта.

— А потом?

Виктор обнял её за плечи.

— Потом будем жить.

Они действительно начали жить. По вечерам вместе красили стены, клеили обои и спорили из-за мебели. Виктор собственноручно сделал несколько полок, починил электропроводку и заменил смеситель на кухне. Елена сшила занавески и привезла от матери старый сервиз, который поставила в шкаф за стеклянными дверцами. По воскресеньям они ходили на рынок, выбирали продукты и иногда позволяли себе купить что-нибудь совершенно необязательное: краси-

вую настольную лампу, книгу, новую скатерть или пирожные к вечернему чаю. Денег было немного, но им хватало. Виктор продолжал работать на заводе, постепенно получал более сложные задания и уже не нуждался в постоянном присмотре Корнева. Его уважали коллеги, к нему обращались за советом молодые рабочие, а мастера знали, что на Кошелева можно положиться, если оборудование неожиданно выйдет из строя.

Проблемы предприятия всё ещё казались ему временными. Иногда задерживали зарплату, иногда не хватало необходимых материалов, иногда приходилось работать на старых станках, ремонт которых откладывали из месяца в месяц. Но завод продолжал выполнять заказы, а рабочие получали деньги. Виктор не интересовался тем, кому именно принадлежат производственные корпуса и почему в городе всё чаще обсуждают продажу отдельных цехов. Он рассуждал просто: пока выпускается продукция, нужны специалисты, способные её производить. А значит, человек, который хорошо знает своё дело, без работы не останется.

В 2000 году родилась Дарья.

Виктор впервые увидел дочь через несколько часов после её появления на свет. Ему разрешили ненадолго зайти к Елене, и он стоял возле кровати, боясь неосторожным движением потревожить маленький свёрток, лежавший у жены на руках. Девочка была крошечной, красноватой, с тёмными волосами и недовольным выражением лица. Виктор никак не

мог поверить, что это его ребёнок. Елена выглядела уставшей, но счастливой.

— Ну, папаша, — тихо сказала она. — Знакомься.

Он осторожно коснулся пальцем маленькой ладони. Дарья неожиданно сжала его палец, и Виктор почувствовал такое сильное волнение, какого не испытывал никогда прежде. Всё, что ещё утром казалось важным, вдруг отступило куда-то далеко. Завод, зарплата, планы по ремонту квартиры, неисправная машина — всё это оставалось частью его жизни, но теперь приобрело совершенно другой смысл. У него появилась дочь, которую нужно было растить, защищать, учить и однажды отпустить в собственную жизнь.

Вечером Виктор вернулся домой, сел на кухне и долго смотрел на стоявшую перед ним чашку чая. За окном шёл мелкий весенний дождь. На стене тикали часы, в соседней квартире кто-то смотрел телевизор, а откуда-то снизу доносился запах жареной картошки. Виктор вдруг вспомнил, как отец впервые привёл его на завод, как объяснял назначение маленькой металлической детали, как требовал переделывать небрежно выполненную работу и как однажды, после получения первой зарплаты, сказал ему: «Молодец, сынок».

Теперь Виктор хотел, чтобы когда-нибудь дочь могла сказать о нём то же самое.

Он подошёл к окну и посмотрел на город. За крышами жилых домов виднелись освещённые заводские корпуса, над которыми поднимался едва заметный в темноте пар. Где-то

там продолжали работать люди. Одни заканчивали смену, другие только приступали к ней. Завтра утром Виктор тоже придёт на предприятие, переоденется, пройдёт к своему участку и займётся привычным делом.

Он чувствовал усталость, но впервые за долгое время не хотел думать об отдыхе. Ему казалось, что впереди начинается самая важная часть его жизни.

Виктор ещё не знал, что однажды будет вспоминать именно этот вечер, сидя на узкой железной кровати в тюремной камере. Он постарается восстановить в памяти каждую подробность: дождь за окном, старые часы, вкус остывшего чая, свет заводских корпусов и собственное совершенно необъяснимое ощущение счастья. Будет пытаться понять, в какой момент всё изменилось и когда он перестал быть тем человеком, который стоял у окна и думал только о жене и новорождённой дочери.

Но тогда, весной 2000 года, Виктор Кошелев ещё не задавал себе подобных вопросов.

У него была семья. У него была работа. У него был дом.

И он был совершенно уверен, что этого у него никто не отнимет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.